

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря.
Может, не синего, кто его знает.
Может, у Черного,
Или у Красного,
Или у Белого,
Может, у Желтого
Или вовсе у моря Кораллового.
Если Коралловые случаются
В средней полоске России...
Но это навряд ли.
Да и важности не имеет.
Море и море
Бывает лишь синим.
Если вернее – то серым.
А остальное – фантазии
Всяких писак-рисователей.
Иль утопистов-мечтателей.
Так что точнее мы будем,
Чтоб критикессы не придирались.
Жил старик со своею старухой
У самого серого моря.
Самого – что ни на есть...
Дел ловил рыбу, старуха – вязала.
Жили ровно 50 лет и три года.
В ветхом домишке с печальным окошком.
Оно плакало звонко, когда шли дожди...
А в общем-то – и не тужили.
И в общем-то не бранились.
Разве что из-за корыта.
Какое совсем развалилось.
Да старик никак не мог склеить.
Не было клея такого, чтоб клеил корыто.
А выбрасывать – жалко.
Повернуть другой стороной,
И сидеть на нем можно.
Как на серьезной скамейке.
И орешки пощелкать за щедрой беседой
С думами о былом.
Если выстругать палочки от осины
И постучать по корыту,
Музыка будет волшебной, как с флейты.
Звук – к звуку. Ни ноты фальшивой.

Любил дед поиграть на дырвявом корыте.
А старуха платок своей вязки набросит,
Да и пустится в пляс.
В общем – весело жили.
А на ужин – лишь свежая рыба.
Жареная иль тушеная.
В общем – здорово жили.
Завидно жили, без пережлеста.
Жалобы были не к месту.
Да они и не жалились.
Разве что на корыто,
Да и то – по плакучим будням...
Дабы беда не стряслась.

Беды приходят не только как морем,
Как забушует оно,
Не исключительно вихрем,
Когда он сметает все вмиг.
Случаются беды и ранним утром.
Когда серое море враз розовеет.
Когда белые чайки танцуют фокстрот,
Когда с моря завеет кораллами.
Хотя море навряд ли кораллово.
Да и кораллы не пахнут.
Но это не пахнут для тех, у кого нет каскаду.
Или если вдруг нос воспалится.
Ведь невзгодье совсем и не разом
Принимает обличье сумы иль тюряги.
И навыворот вовсе бывает.
На какой – мы об этом сейчас и узнаем.

В это самое мягкое, нежное утро,
Когда горем не пахнет, а бьет в нос кораллом,
Дед забросил рыбацкий свой невод.
Пришел невод с порванной галошею.
Если б еще и не рваной,
Щеголял бы старик подле моря.
Два забросил – пришел невод с печатью свинцовой.
Да визировать нечего вислой.
Нет у деда ни документов, ни грамот.
Три забросил – чудесье чудесное.
Небеса словно надвое треснули.
Деду в бороду брызнули искорки желтые.
Как салюты при сварочном деле,
Бороденку-седенку его подпалили.
Только этого и не хватало.
Дед зажмурил глаза от звездистого света.
И тотчас отворил.
В сетке – бьется в истерике рыбка.
Не простая, а золотая.
И это совсем не метафора.
Не конек Александра Сергеича.

Ей-богу, из чистого золота.
Только пробы какой, неведомо.
То ли пятьсотой, а толь девятьсотой...
Без очков дед не смог разглядеть.
А скорее всего – пробы не было.
На два кило золота пробы порой и не ставят...
На два кило золота проба и ни к чему...
Дед в песке морском замер как вкопанный.
Не иначе – песчаная статуя.
Или столп соляной.
Негушки! И в испуге кругом огляделся,
Чтоб никто другой не позарился.
Коли чахнуть у злата –
Одиночкой – вернее.
Иль продать? Или власти отдать?
От сокровищ процентов – немало...
Рыбка тут же не дала опомниться,
Не дала поступить опрометчиво.
Человечно взмолилася рыбка,
Так артистично и чисто по-русски,
Ни единой помарочки в слове.
– Старичок, – говорит она ласково, – старикашечка.
Что тебе с злата этого будет?
Продать – ты его не продашь, дорогушенька.
Вмиг тебя иль убьют, иль посадят.
Мол, откуда у старикашечки
Целых два кило чистого золота.
Затаскают, заедят нечистые.
И проценты навряд ли понюхаешь.
Конфискуют – и дело с концом.
Ничего не докажешь.
Хорошо, если цел сбережешься.
А это навряд ли.
Свидетелей, знай, убирают.
Да тихой сапой, невидимо.
А тебя – убрать просто плюнуть раз.
Старый ты, да почти одинохонький,
Кроме старухи
На божьем свете и нет никого,
Вот и сгорите в огне вместе с хатой.
А то просто помрете от инфлуэнций заразных –
И дело с печальным концом.
Поверь, старикашечка,
Много я на веку прожила, повидала.
Ваш век, поверь, самый худый,
Самый безжалостный.
Тем паче к таким старикам да старухам...
Дед понуро повесил голову.
Не испугался он, не расстроился
Из-за золота.
Стыдно стало – хотел рыбку обидеть,
Хотел в своих целях использовать.

– Не печалься, старикан-старикашечка.
Отпусти меня в серое море,
А уж я в долгу не остануся.
Что захочет душа твоя добрая.
То тебе вмиг и достанется...
Обменялись дед с рыбкою взглядами.
А у рыбки глаза преогромные.
Да такие открытые, добрые,
Даже умный поймет – не солгут.
А у деда углы век опущены,
И мешки под глазами пресиние,
А во взгляде столько болючего,
Что от боли старик на песок присел
И задумался в позе мыслителя.
«Что захочет душа моя добрая?
Разве корыто не битое?
Да на что оно мне, непутевому?
Коли клей вот-вот сконструируют,
Что поклеит не только нецелое,
Но и рану от пули заклеит за раз.
Что еще пожелает душа найдобрейшая?
Может, что справить старухе по милости?
Вот цветов никогда не дарил ей, сердешненькой,
А в корзине тем более.
Чтобы лентой атласной
Корзина была перевязана.
А в цветах непременно карточка глянцева –
С пожеланьями путными.
«Старушечке-душечке. От любимого деда. С поклоном».
Только зачем эти хлопоты?
Вон цветов сколько этих во поли.
И корзину плести не отвыкнувши.
Говорить пока не разучивши.
Встрепенулся дед от непрошенных
Мыслей, видно, лукавым навеянных.
Встал с колен, пуше прежнего сгорбился,
Поклонился до пояса рыбке.
– Прощевай, головастая рыбина.
Да на что ты мне, большеокая.
Да к чему мне, беззубому, золото?
Ты погоды к обеду не сделаешь.
Потому – ничего и не надобно.
Ты плыви себе с миром и радостью.
– Будь здоров, человек пусторотый.
Но с тобою я не прощаюсь...
И вильнула рыбка хвостом золотым,
Только ее и видели.
Лишь круги на мутной воде.

Утро вновь посерело от холода.
И ни с чем воротился домой старик,
К своей вздорной любимой старухе.

И к своему дорогому корыту.
Да по старческой дури старухе все выложил,
Может, и не по дурасти.
Всегда хочется душу излить тому,
С кем векуешь 50 лет и три года.
Вздыхнул громко старик-старикашечка,
Да зажмурился.
Ох, залепит старуха по-черному.
Поделом ему, пусторотому,
Чтоб по дури убыток приманивать.
Но старуха сидела задумчива.
– Старче мой, обкумекать тут надо по-верному.
Ты прикинь своим мозгом изношенным.
И с чего эта рыбка на сеть к тебе прыгнула?
Добровольно, без принуждения.
Коль она утверждает – волшебная.
И с чего б от тебя не вильнула по-легкому,
Коль любое желанье подвластно ей.
Нет, тут что-то не так, подозрительно.
И с чего бы какой-то рыбелине
Точить лясы на русском наречии.
Да так запросто, без помарочки,
Будто в море язык всполоснула свой,
И вообще, положи руку на сердце,
Ну, какой говор есть у животины?
Знаю я из учений о фауне –
Безъязыкие те да безмолвные.
Ох, не к доброму это, не к верному.
Коль на английском бы иль неметчина,
Может, было б тому объяснение.
Опыт ставят какой иль оказия.
Ну, а тут... – и старуха глубоко задумалась, –
Не шпионка ли, часом, рыбелина,
Не провокаторша?
Уж не вынюхать хочет
Чего-нибудь,
Чтобы мы ей на блюдечке вынесли,
Да продали все дьяблу заморскому?..
Тут старик даже чуть приосанился.
И посмел у виска покрутить косточкой.
– Ты свихнулася, что ли, старушенька,
И чего у нас можно тут выведать,
И чего у нас можно тут вынюхать?
И кака информация с хаты ей
Иль с корыта давно продырявого.

Ну, тогда и старуха взбесившись.
Руки – в боки, на деда окрысилась,
– И дурак же ты, старча безмозглая.
Над любимой женой измываешься?
Я ж служила тебе 50 лет с лихвой,
Ничегошеньки в жизни не видела,

Не пила и не ела досыта,
И нарядов менять – не менялися.
И состарилась раньше времени,
А ведь я еще и не старая...
Даже волос мой непокрашены.
Так иди, обомшелое чучело,
И сдери хоть корыто неколото.
Иль корыто для нас, или золото.
А там поглядим – как и что.
Уж не лгунья она ль чужеземная
И не шпионка ль заморская...

И пошел старик сгорбившись
На поклон к расчудесной рыбелине.
Запунцовилось море вечернее,
Как пииты сказали б – кровавое.
Гром как ведомо грохает,
Молния заогнилася.
Дед от страха зажмурился.
В миг расплющил глаза свои.
Рыба из чистого золота – тут как тут,
Слову верному держится.
– Чего тебе надобно, старче?
Не иначе шпионка заморская.
Потому как зачем появилась?
– Потому появилась, старче мой,
Что в долгу у тебя неоплаченном.
А долгами судьба не замарана.
Потому – проси все, что желается.
Что душе твоей в угождение.
– Да чего мне особенно надобно? –
Дед затылок свой чешет, смущается. –
Вроде все для житухи имеется.
И живем вроде весело, радостно.
Чай, от голода не бессилимся,
Чай к обеду всегда свежеваренный.
Только вот, дорогая рыбешечка,
Лишь корыта (и все!) не хватает нам,
Наше совсем прохудилось.
А клея таво не придумали,
Чтоб корыты напрочно склеивал.
Что тебе вмиг исполнить желание?
Ну, а нам со старухой на старость лет
Пожить вдоволь, да влать, в удовольствие.
С новым корытом, наполненным,
Да и жизнь тогда вроде полная...
Золотая рыбка нахмурилася.
Да махнула хвостиком презрительно.
– Нет, старик, тут корытом одним не отделаться.
Знаем вашу натуру людскую, не рыбную,
Не человечную, а человеческую...
Как застонет золотая рыбка:

– Вы такие... не звери, а люд людской.
Пусть вам жизнь ваша нашей покажется,
И застонется, и убожится,
Чтобы пили из моря свинцового,
Заедая калашей резиновой...
Чтобы зря ты ко мне не навещался,
По утрам, как на службу нелюбую,
Чтоб не гнул зазря спину болезную.
Одарю тебе всем, что желается.
А чего уж старухе желается,
Мне получше ее будет ведомо.
Ни разочку я не ошиблася
Со времен Александра Сергеича.
Не кручинься, ступай себе с Богом.
Хотя Бог, как мне чуется,
Схоронился за тучами...

И пошел старик себе с миром до хаты,
Поломав свою голову лютую.
Как поднял глаза, тут ни жив ни мертв.
Потом замер, как столп, жмуря очи.
Неужели! Да что же такое случилось!
Вместо хаты – дворец в глаза слепится.
Все как в сказке – палаты царские,
Столы яствами пресыщаются,
Царска стража, дворяне с боярами,
Да с пресс-службой, дрожат на колениях.
А по центру – в короне старушенька,
Да одной рукой жезлом постукивает,
А другой – водку царскую хлещет,
А то пряником царским закусывает.
Тут старик было пасть на колени
Перед грозной, но честной старухой,
Да вдруг дверь широко распахнулася,
И советник явился с петицией.
Баритоном ее, да по-дикторски
Зачитаемыши,
Чтобы слухом ее, да по всей Руси:
«Извещаю!!! Гаагское сборище
Присудило для грозной царицы сей
Казнь по всей статье:
Отрубить ее буйную голову.
За диктаторство, за тиранство,
За гоненье свободы печатанья,
За стеснение слова превольного.
За попрание всей демократии».
Тут старуха от страха свалилася,
К старикашке в объятия бросилась.
– Ох, спаси меня, старикашечка, родненький!
Ох, беги, сломя голову, к рыбине,
Прикажи ей, совсем очумелевшей,
Дать ковер-самолет, чтобы смылиться.

Ани, нет, повели окаянненькой,
Не нужны мне палаты прецарские,
Да пресс-служба ее безмозглая,
Да стащенная демократия.
Но поскольку она в долгу меченом,
Отмени меня сделать царицею,
Не нужнó ее царство поганое.
Пусть счудит меня просто дворянкою,
Вдруг и этого досыта хватит мне.
Да, и терем, не хуже соседского,
Или нашего, иль иноземного...
Да элиту со всей Руси,
Мне бы в дом ввести
На беседы с понятьем, заумные.
А еще бы – вдруг стать литераторшей,
Не худей Александра Сергеевича,
Чтоб читали книжонки народы все,
Да хвалили бы,
Да златым пером одарили бы...
Ничего старику не осталось,
Как отправиться к серому морюшку
На поклон к чудодейственной рыбинке...

Как от рыбки пришел – не сконфузился,
Бросив взор вдруг на терем высокий,
Да с балконами, да колоннами.
И старуха стоит на крыльце златом.
В длинной шубе пушистой, собольичей,
Хотя рыбка июль не расторгнула.
А на солнце блестит шея морщена,
А на солнце блестят пальцы скрючены.
Да худые лодыжки в чулках-сапогах,
И все в золоте...
Даже тут и старик враз поморщился.
Промелькнула мысль, что свинья свиньей
И останется,
Хоть осыпь ее всеми звездами.
И подумав, тотчас крестом пальцы сложил,
Отгоняя крамольные думушки...
Вечерком старик посетил прием,
Баллетрический.
Там старуха читала вслух вирши свои,
Закатив глаза к потолочине.
И разнесся оваций гром.
И старуха вся в славе да почестях,
Да на лаврах своих почивала.
А на седенькой, хрупкой головке
Кто-то вербный веночек водрузивши...
Эх, гуляла элита прорусская,
В честь золотого пера нашей родины.
Да напились уже не по-вербному.
Не по лавру с старухи смеялись.

Мол, не знает она английского,
Да не ведает, кто такой Сэлинджер,
Что безграмотна, как начальники,
Не пройдет даже по Северянину,
Что в муаровом платье запутался..
Дедок тоже там был непристроенный,
Пиво с водкою пил, непристойненько.
Да смеялся над глупой старухой.
Уж такая она неприятная,
Хоть на всю Русь она знай-зазнается
Славой славною, да бесславною..
А кругом столько девушек писанных,
Ну и что, что пером не написанных,
Зато сочные, зато свежие.
Да и дедом, поди, не брезгают,
Очень даже, напротив, стараются.
И мигают ему, и плечом ведут,
В ухо ласково речи шептаются.
И куда ни крути – дед завидный жених,
Коль отсудит половину законную
Да старухино право авторско.
А уж коли опóчит сердешная –
Думы дедовы немысловые..
На Руси как всегда женихов-то нет,
А дедок – жених вполне крепенький.
Так что дед один не останется.
И старуха вдруг рáзревновалася,
И старуха вдруг рáзволновалася.
И хотела силком забрать деда,
По причине весомой, да вéдомой,
Как ей тут как тут яду подсыпали.
«То – Сальери... Сальери, музýка Сальери, –
Зашипела от счастья богема. –
Убить хочет, перу позавидовши.
В переулочке темном Дантес дожидается,
У Мартынова втайне ружье заряжается...»
Не слыхала старуха про этих людишек богемных,
Но сердцем почуяла смерть неминуемую.
И дед сжалился над старухой.
Да напрямиком к раскудеснице-рыбке.
Вслед ему истошно кричала старуха:
– Миленький, попроси только йзбу дубовую, крепкую.
Да с белой трубою, и хватит.
К всем чертям их писательство гнусное,
Да золотые браслеты фальшивые,
Да богема уродная и беспробная.
Убивцы они, не иначе.
И ворье чужих добрых и славных мужей.
И ворье чужих добрых и славных идей!
Только еще, мой милехонький.
Ты ж красавец у меня разудаленький,
Ох, ревную тебя, непутевая.

Попроси еще, чтоб моложе стать,
Разживемся тогда припеваючи
Дó ста лет, а то и поболее...

Подарила рыбешка и это желание.
Дед воззрел пред собою девицу-красавицу,
Коса длинная, брови черные,
Ни морщиночки, ни замятинки
На прекрасной, точеной округлости.
Закручинился дед, стосковался дед,
По старухе своей замухрышистой,
По старухе непрезентабельной...
Но недолго и то продолжалось.
Видно, время не терпит вмешательства.
Кожа нашей старухи вдруг язвой покрылася,
Да нарывами, да болячками.
А оказией лекарь случайный
Решение вынес:
У старухи, как пить дать, – рак кожи.
– Ох, ты времечко, время бедовое!
Что свершило с моею старухой!
Без нее нет, не будет мне жизни,
Да на что она?
Жизнь такая, в избе да дубовой,
Да с трубой беленою.
Лучше уж просто труба, да в гробу дубовом, –
Заплакал старик пред старухиным ложем,
Та дышала уже тяжело и хрипела:
– Ох, родимый ты мой старикашечка,
Ой, последнюю волю мою
Пусть исполнит кудесница рыбка...
И затвóрила очи сенильны старуха,
Не могла больше нí слова вымолвить.
А старик что есть мочи – к волшебнице рыбке,
И к чертям непослушные ноги,
Ко всем дьяблам худую спину.
Грянул гром, хлынул дождь,
Волны воют, бунтуют.
Ветер волны гоняет по серому морю.
Не видать рыбки доброй,
Иль глаза все ж подводят?
Сколько ни кликал ее старикашка.
Нет ответа на то, в чем ответа не будет,
Коли вопрос не придуман...
И старик крикнул в море:
– Море доброе, передай рыбке той,
Что в тебе плескается, что в тебе играет
Да желанья с душой исполняет,
Хоть безалаберно, не вникая в суть...
Передай мою волю глубокую,
Волю мою несчастливую...

А домой шел старик, уже сгорбившись,
Еле шаркали тяжкие ноги.
– Ну, прощай, мой товарищ любимый, старушенька,
Обещаю тебе, в ноги падавши,
Нет меня уж на свете сим белом
И не будет... Без тебя, моя рódная.
И пришел я проститься с царевною мертвою,
Царевной моей справедливою.
Дворянкой моей эрудитною,
Писательницей гениальной,
Красавицей самой писаной...
Ты владычица есть и останешься.
И морская что ни на есть, и земная.
На все веки вечные. Веки буйные.
На том свете. Да на этом, таком окаянном...

Вернулся домой старик, глядь,
Пред ним его ветхая хата,
А пред хатой – разбитое корыто,
А у корыта сидит его старуха.
Здоровая и счастливая.
На берегу самого синего моря.
И присел бочком старикашечка,
И обнял ее силою сильною.
И увидели они вдруг,
Что напротив избушки их ветхой
Расцвела виноградная ветка.
Как бы в премию от золотой рыбки,
За спасение ее удали...
«Идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите...»

Как-то я там был
И мед с пивом пил.
На обед мне подали рыбелину.
Простую, не золотую.
Может быть...
Я до конца не уверен.
Я желанья не загадал,
Видно, я прогадал.
В золото верю я мало.
А обед удался на славу...
И симфония вдруг зазвучала.
Видно, в чудо я верю мало.
Расцвели виноградной лозою стихи,
Пушкин, не смейся... Прости...

Июль 2021 года